

я ощущал себя гражданином мира: вне языка и вне территорий. Правда, сам никуда, кроме Москвы, улететь не мог.

Наконец на табло загорелась надпись MOSKOU, и я степенно побрёл к терминалу E, где неожиданно для себя встретил иркутянина.

Шаталов сидел недалеко от стойки, обслуживающей пассажиров «Аэрофлота», то проваливаясь в забытьё, то вновь обретая чувство реальности. Эти кратковременные проблески сознания оглашались всё теми же древнерусскими камланиями, но волшебства не получалось: видимо, за четыре дня писатель целиком выработал весь магический ресурс места.

Я сел чуть поодаль, не испытывая ни малейшего желания вновь приобщиться к высокому. Эстетическое чувство изрядно уже притупилось, а напрасно расходовать слова, особенно чужие, не хотелось. Мне хватило прошлого раза.

Переждав, пока иркутянин вновь ненадолго уснёт, я встал и тихонько прошёл регистрацию, сдал багаж, показал паспорт и направился к выходу на посадку, чтобы в спокойствии переждать последние два часа во Франции.

Не прошло и получаса, как неведомой силой Шаталов тоже оказался у выхода 57, и я не на шутку обеспокоился: не умер ли иркутянин, и не его ли бесплотный дух витает среди пассажиров, жажда мести и экстрадиции? Причём Шаталов вовсе не видел меня, но, как заряженная частица вокруг ядра, вращался где-то неподалёку. На табло загорелась надпись, что самолёт на Москву подадут к выходу 64, я отправился на поиски этого выхода и нашёл довольно быстро, после чего решил посетить уборную, которая, к великому моему удивлению, работала на фотоэлементах. Подивившись прогрессу, я вышел из туалета и чуть нос к носу не столкнулся с

Шаталовым. Тот разговаривал по телефону у стойки администратора. Насколько я понял, разговаривал он с координатором гоголевского фестиваля:

— Алло!.. так меня кто-то заберёт отсюда?.. это Шаталов говорит... я понимаю, что всё закончилось... я устал тут... я чуть не улетел позавчера... потерял загранпаспорт... его какой-то чёрный забрал... откуда я знаю... я домой хочу...

К выходу подходили члены делегации, тихо офигевали от иркутянина и усаживались в кресла. Уселся и я. Вот тут-то Шаталов меня заметил и устремился навстречу.

Он рассказал, что провёл в аэропорту несколько мучительных дней, что французы его достали, что у него украли паспорт и он наверняка влип в какую-то транснациональную неприятность, как он соскучился по родине, по любовнице-бурятке, что плевать на паспорт...

В конце концов его взяли на борт без загранпаспорта, и в Шереметьево он прибыл почти трезвый и багаж нашёл без затруднений. Казалось бы, всё закончилось хорошо. Если бы не маленькое «но».

Самолёты из Шереметьево-1 на Пермь и Иркутск отправлялись с промежутком в двадцать минут, но в аэропорту я Шаталова так и не встретил. Не исчез ли он навек в недрах аэропорта? Ведь впервые он потерялся именно здесь.

С тех пор каждое сообщение о хулиганстве в самолёте я слушаю с тревогой и надеждой: может, это Шаталов нашёлся? ■

